

С. А. Воробьева

## ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНЫХ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕАЛАХ СЛАВЯНОФИЛОВ И ЗАПАДНИКОВ

В статье анализируются социальные идеалы славянофилов и западников с точки зрения диалектического взаимодействия национального и общечеловеческого. Выявление гуманистического, христианского смысла в образе национального бытия, духовное самоопределение нации, выдвигаемое в качестве основы общественного прогресса, объединяет позиции представителей различных идейных течений. Несмотря на полемику и очевидные разногласия по вопросу основ народного самосознания, национальное они оценивают с позиций культурного и цивилизационного вклада в общечеловеческое. Идеалы ранних славянофилов и западников рассматриваются в контексте новой модели культуры, которая стала актуальной для последующих этапов становления русской национальной идеи. Проводится сравнительный анализ взглядов на проблему национального и общечеловеческого ранних славянофилов (А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина) и К. Н. Леонтьева. Библиогр. 8 назв.

*Ключевые слова:* национальное, общечеловеческое, диалектика, русская национальная идея, славянофильство, западничество.

S. A. Vorobyova

### DIALECTICS OF NATIONAL AND UNIVERSAL VALUES IN THE SOCIAL IDEALS OF SLAVOPHILES AND WESTERNERS

The article analyzes the social ideals of the Slavophiles and Westerners from the point of view of the dialectical interaction between national and universal. Identification of humanistic, Christian meaning in the form of national existence and a spiritual self-determination of the nation, advanced as the basis of social progress, unites the positions of the representatives of various ideological trends. Despite the controversy and obvious disagreement on the issue of the bases of a people's national consciousness, they are evaluated from the perspective of cultural and civilizational contributions to mankind. The ideals of early Slavophiles and Westerners are discussed in the context of a new cultural model, which became relevant for subsequent phases of the formation of the Russian national idea. A comparative analysis of views regarding early national and universal Slavophiles (A. S. Khomyakov, I. V. Kireevsky, K. S. Aksakov, Yu. F. Samarin) and K. N. Leontev is also undertaken. Refs 8.

*Keywords:* National, universal, the dialectic, Russian national idea, Slavophilism, Westernism.

Проблема выбора культурно-исторических координат развития России особенно отчетливо обозначается в русской философии, начиная с 30–40-х годов XIX в. Весьма абстрактная декларация патриотизма в теории «официальной народности» С. С. Уварова не могла заполнить определенный идеологический вакуум в русском обществе этого периода. В связи с этим уже на более содержательном уровне тема общеславянского единства развивается в работах М. П. Погодина, П. Й. Шафарика, П. И. Кеппена, К. Ф. Калайдовича и др.; проводится сравнительный

---

*Воробьева Светлана Александровна* — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия, Российская Федерация, 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 14; vorobyovasa@mail.ru

*Vorobyova Svetlana A.* — Doctor of Philosophical Sciences, Associate professor, St. Petersburg State Chemical and Pharmaceutical Academy, ul. Professora Popova, 14, St. Petersburg, 197376, Russian Federation; vorobyovasa@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

анализ культуры западных и южных славян, исследуются конкретно-исторические, социально-политические, лингвистические, этнографические особенности славянских народов. В трудах представителей «скептической школы» М. Т. Каченовского, С. М. и П. М. Строевых, О. М. Бодянского прослеживаются попытки сравнительного анализа специфики русской и европейской культур. Претендуя на открытие общих законов человечества, Каченовский, например, ратует за единый путь Европы и России, подчеркивает необходимость переноса западноевропейского влияния на русскую почву, что он полагает традицией, идущей из древней культуры. По словам М. О. Кояловича, Каченовский «нападал на патриотическое отношение в науке ко всему прошедшему и требовал холодного, безучастного отношения к фактам, каковы бы они ни были, лишь бы восстанавливалась истина» [1, с. 177].

П. Я. Чаадаев проблему «Восток — Запад — Россия» ставит на теоретическую основу, обозначая роль России прежде всего с позиции духовно-религиозного наследия. Определяя «всемирно-историческое значение» религиозной идеи, приписывая ей первенствующую роль в развитии культуры, Чаадаев связывает начало «настоящей истории» с тем моментом, когда народ осознает свою идею, призванную для реализации в ходе его развития.

В 40–60-е годы XIX в. проблема развивается сторонниками различных идейных течений: выявляются типологические особенности славянских народов различных стран, анализируются формы познавательной, религиозной, политической, правовой, экономической деятельности, характерные для народов Запада и России, определяются ведущие константы такой типологизации. Так, в полемике славянофилов и западников относительно проблемы народности мы видим, с одной стороны, различные образы отечественной культуры, с другой — стремление объединить крайние точки зрения. Признание славянофилами самоценности русской культуры, отождествление ее с «русской национальной душой», противопоставление западному типу культуры взаимодействует с диалектикой общечеловеческого и национального. Необходимо отметить, что в славянофильстве сосуществовали разнообразные трактовки русской национальной жизни. Само понятие «народность» фокусирует достаточно большой круг проблем. А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков изначально признавали этот термин многоплановым. И. В. Киреевский отмечал: «Самое понятие о народностях между нами совершенно различно. Тот разумеет под этим словом так называемый простой народ; другой — ту идею народной особенности, которая выражается в нашей истории; третий — те следы церковного устройства, которые остались в жизни и обычаях нашего народа и проч. и проч. Во всех этих понятиях есть нечто общее, есть и особенное. Принимая это особенное за общее, мы противоречим друг другу и мешаем правильному развитию наших понятий» [2, с. 247]. И далее: «Народность в ее общем начале до сих пор еще нами не признана и не выражена. Оттого понятия наши смешаны, требования необязательны и сочувствия неплодоносны» [2, с. 247–248].

Киреевский указывал на различные смыслы самого понятия «славянство», существовавшие в то время. Это, во-первых, язык и принадлежность к нации; во-вторых, противоположность всему европейскому в целом; в-третьих, отождествление славянства с народностью. Совершенно недопустимым полагал он «смешивать народность с простонародностью, или последнюю считать нормальным выражением первого». По его мнению, это может привести к недооценке проблемы и невоз-

возможности ее плодотворного исследования. Вместе с тем абсолютизация народности, желание увидеть в ней «условие, так сказать, нашего спасения», «возможность просвещения русского» также не оправданы и доказывают «неразвитость сознания».

Под народностью славянофилы понимали и необходимость наличия национальной точки зрения в вопросах исследования истории, которая, в свою очередь, содействует постижению масштабности и объективности в понимании исторических проблем в целом.

Отсутствие определенности в декларации проблемы, которое просматривается в русской общественной мысли, является скорее следствием вполне серьезного подхода к выбору критериев национальной самоидентификации, уяснению места России во всемирном социокультурном пространстве. Осознание «общего дела» для большинства как славянофилов, так и западников оказывается выше чрезмерного патриотизма и национальных амбиций.

Исследователь славянофильства историк Н. П. Колюпанов считает термин «общечеловеческое» одним из ключевых в понимании специфики славянофильской философии истории, так как славянофилы предполагают не противопоставление общечеловеческого народному, а напротив, тесную диалектическую зависимость [3, с. 39]. Действительно, формирование национальной идеи в философии ранних славянофилов идет в направлении сознательного отношения к себе и «другим». Декларация богоизбранности России, ее мессианской роли в истории как доминанта концепции славянофилов сосуществует с идеей синтеза национальных приоритетов и общечеловеческих ценностей.

Ю. Ф. Самарин утверждал, что «ни в национализме, ни исключительно в русских началах славянофилы не полагали критерий истины». Народность он называл «органом, призванным осуществить в жизни учение Христа». Оценка народности зависит, по его мнению, от того, насколько та или другая народность воплощала в себе это учение. «Общечеловеческое содержание истории» также постигается через народность. Самарин указывал: «История движется вперед свободным совпадением народностей с высшими требованиями человечества. Чем свободнее, глубже и шире это совпадение, тем выше стоит народ». Через народности история предстает перед нами как «драма на сцене», а развитие ее определяется «свободным совпадением народностей с высшими требованиями человечества» [4, с. 148].

Возражая против отождествления народности с патриархальной общинностью, Самарин выступает за сближение национальных и общечеловеческих начал: «Мы не противопоставляем народное (как ложное) общечеловеческому (как истинному); не нужно — для нас, потому что мы знаем хорошо, что общечеловеческое осуществляется в истории и постигается через народность» [4, с. 149].

Он категорически опровергает мнение о том, что славянофилы связывают Петровские реформы с отрицанием народности и уничтожением «духа жизни». Необходимо, заявлял он, учитывать «положительную сторону доктрины славянофилов», которая состоит в историческом развитии проблемы русской народности. Современный период общественного развития, по его мнению, требует прояснения этой проблемы, прежде всего вследствие перемен, происходящих в Западной Европе и в России. Если на Западе осознаются некие новые ориентиры «славянского племени», то и в России также все более утверждаются необходимость самобытного

развития и направленность на общение с миром Запада в целях победы начал «общечеловеческих».

Соответствие идейных оснований духу времени, возможность и необходимость реформации и даже смены этих оснований в зависимости от исторических реалий Самарин, например, считает обязательными. Отрицая возвращение к патриархальному типу отношений, он замечал, что общественные идеалы «не выдумываются и не навязываются», а диктуются самой действительностью: «...Кто же не понимает, что исторические, окаменелые формации XVII в., в свое время живые и понятные, удовлетворявшие потребностям своей эпохи и соответствующие степени ее развития, умственного, нравственного и политического, во многих отношениях становятся в прямое противоречие с понятиями, запросами и нуждами XIX века?» [5, с. 303]. По мнению Самарина, Россия должна «принадлежать общей цивилизации», но необходимо исключить из ее культурного пространства религиозные и политические начала Запада и все, что «вырастает из этих форм». Не следует навязывать России, например, «ненародную форму правления»: народные начала России требуют иного государственного строя.

Вопрос о «духе народном» славянофилы решают исходя из антропологических традиций, сложившихся в русской философии начала XIX в. (шеллингианский принцип социальной гармонии, обусловленный стремлением к религиозному идеалу человека как созданию по образу и подобию Бога). Такой «целостный», «соборный» тип личности является необходимым условием сохранения и воспроизводства цельности бытия. Поиск условий достоинства человеческой личности, прав человека, нравственного значения личности становится тем «мостом», который соединяет славянофильство и западничество. Общей «шкалой координат» в оценке европейских ценностей выступает христианство.

Все же человеку отводится весьма сомнительная роль в истории. Субъектом истории изначально может выступать только общность людей как органическое образование, что принципиально отличает ее как от отдельных личностей, так и от любых «искусственно созданных» объединений (партий, союзов). «Дух народа» выражается как в реальном контексте исторической жизни (этнографических, экономических, духовных, социокультурных особенностях народной жизни), так и в романтическом смысле утверждения идеального, духовного единства народа, определяет возможности развития народа в целом. Подчеркивается роль исторических личностей, которые уже не пассивно выполняют волю мирового разума, а отражают потребности и цели народа.

Приоритет личностного начала как основной христианский принцип отрицается славянофилами. В связи с этим Самарин не согласен с позицией К. Д. Кавелина, который пишет: «Так возникла впервые в христианстве мысль о бесконечном, безусловном достоинстве человека и человеческой личности... Христианское начало безусловного достоинства человека и личности... вместе с христианством рано или поздно должно было перейти в мир гражданский» [6, с. 20]. Государства, основанные на этом начале, — явление совершенно новое в истории; они «проникнуты личным началом». Из «раба природы и обстоятельств» человек через христианство стал «господином». Поэтому признание такого достоинства человека и личности, умственное и нравственное развитие человека стали «лозунгами всей новой истории», ее «центрами» [6, с. 20].

Согласно Кавелину, развитие отечественной народности существенно «тормозят» идеи абсолютизации сугубо европейских или националистических ценностей. Возрождению России содействует синтез православно-национальных и западно-европейских ценностей, к числу которых он относит «конституционные» и «монархические». Развитие истории определяется интересами личности, предполагающей разумное совмещение индивидуальных и общественных, национальных и общечеловеческих стандартов.

Таким образом, и славянофилы, и западники, несмотря на полемику и очевидные разногласия по вопросу основ народного самосознания, национальное оценивают с позиций культурного и цивилизационного вклада в общечеловеческое. В. Г. Белинский, например, критикует как «фантастическую народность», так и «фантастический космополитизм во имя человечества». Он отмечает: «Разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала — значит впасть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм» [7, с. 261]. «Народности» (по словам Белинского) рассматриваются как «личности человечества» (целостные). Такие целостные личности можно понять только в зеркале общечеловеческих (христианских) составляющих, или «идеи человечества». Белинский пишет: «Борьба человеческого с национальным есть не больше, как *реторическая* фигура; но в действительности ее нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса. Когда народ поддается напору чуждых ему идей и обычаев, не имея в себе силы перерабатывать их, самодеятельностью собственной национальности, в собственно же сущность, — тогда он гибнет политически... Напротив, наше время есть по преимуществу время сильного развития национальностей» [7, с. 265].

Можно заметить в подобных рассуждениях мыслителей западнической ориентации определенную близость к славянофильским традициям. Выявление гуманистического, христианского смысла в образе национального бытия, духовное самоопределение нации, выдвигаемое в качестве основы общественного прогресса, бесспорно, объединяют позиции представителей этих течений.

В результате идейного раскола славянофильства и западничества в 60-е годы XIX в. уже достаточно отчетливо проявляются националистические настроения в среде славянофилов. Так, К. Н. Леонтьев, противопоставляя Запад и Россию, отмечает, что «гниение Запада» выражается не только в безбожии и рационализме; это касается всех сфер общественной жизни: философии, государственности. Политика культурной обособленности, сохраняющая и укрепляющая древние традиции, по его мнению, должна превалировать. Он обвиняет своих предшественников в «европейской буржуазности»: «Славянофилы все были либералами... Сами себя они никогда либералами на европейский лад признать не хотели и против этого рода европеизма постоянно писали (когда позднее им писать стало возможным)... Государь Николай Павлович чувствовал, что под боярским русским кафтаном московских мыслителей кроется обыкновенная блуза буржуазной демагогии...» [8, с. 265]. Учение славянофилов он считает необходимым «видоизменять, а не развивать, преследуя главные цели — умственной и бытовой самобытности и государственной крепости». Россия должна стать во главе общереволюционного движения. Он проповедует великорусский империализм, разрушение «культурно-государственного здания Запада».

Бесспорно, синтетические модели, созданные ранними славянофилами и западниками, представляются более адекватными и востребованными в контексте современных стратегий социального прогнозирования.

Ранние славянофилы и западники декларируют альтернативность метафизических оснований русской и западной культур. В то же время в их концепциях прослеживается тенденция формирования новой модели культуры, основанной на синтезе национального и общечеловеческого, которая стала актуальной для последующих этапов становления русской национальной идеи. Сохранение культурной идентичности России в отечественной мысли рассматривается в процессе приобщения к универсальным нравственным и социальным ценностям.

## Литература

1. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб.: Синодальная типография, 1884. 603 с.
2. Киреевский И. В. Письмо Московским друзьям // Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: в 2 т. М.: Путь, 1911. Т. 2. С. 245–248.
3. Коллюпанов Н. П. Биография А. И. Кошелева: в 2 т. М.: Изд. О. Ф. Кошелевой, 1889. Т. 1. 584 с.
4. Самарин Ю. Ф. По вопросу о народности в науке // Самарин Ю. Ф. Соч.: в 12 т. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1900. Т. 1. С. 144–157.
5. Сочинения Ю. Ф. Самарина. Предисловие к богословским трудам А. С. Хомякова // Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. М.: Эксмо, 2003. С. 298–332.
6. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К. Д. Наш умственный строй. М.: Правда, 1989. С. 11–67.
7. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Избранные эстетические работы: в 2 т. М.: Искусство, 1986. Т. 2. С. 240–268.
8. Леонтьев К. Н. Плоды национальных движений на православном Востоке // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. С. 534–566.

**Для цитирования:** Воробьева С. А. Диалектика национальных и общечеловеческих ценностей в социальных идеалах славянофилов и западников // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 3. С. 16–22. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.302

## References

1. Koyalovich M. O. *Istoriia russkogo samosoznaniia po istoricheskim pamiatnikam i nauchnym sochine-niiam* [History of the Russian consciousness on historical memorials and scientific works]. St. Petersburg, Sinodal'naia tipografiia Publ., 1884. 603 p. (In Russian)
2. Kireevskii I. V. Pis'mo Moskovskim druz'iam [The letter to Moscow friends]. *Kireevskii I. V. Poln. sobr. soch.: v 2 t. T. 2* [Kireevsky I. V. Complete set of works: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Put' Publ., 1911, pp. 245–248. (In Russian)
3. Koliupanov N. P. *Biografiia A. I. Kosheleva: v 2 t. T. 1* [Biography of A. I. Koshelev: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, O. F. Kosheleva Publ, 1889. 584 p. (In Russian)
4. Samarin Iu. F. Po voprosu o narodnosti v nauke [On the question of nationality in science]. *Samarin Iu. F. Soch.: v 12 t. T. 1* [Samarin Yu. F. Writings: in 12 volumes. Vol. 1]. Moscow, Tip. A. I. Mamontova, 1900, pp. 144–157. (In Russian)
5. Samarin Iu. F. Sochineniia. Predislovie k bogoslovskim trudam A. S. Khomiakova [Writings. Preface to the theological works of A. S. Khomyakov]. *Nol'de B. E. Iurii Samarin i ego vremia* [Nolde B. E. Yuriy Samarin and his time]. Moscow, Eksmo press, 2003, pp. 298–332. (In Russian)
6. Kavelin K. D. Vzgliad na iuridicheskii byt drevnei Rossii [A look at the legal life of ancient Russia]. *Kavelin K. D. Nash umstvennyi stroi* [Kavelin K. D. Our mental operation]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 11–67. (In Russian)

7. Belinskii V.G. Vzgliad na russkuiu literaturu 1846 goda [A look at the Russian literature of 1846]. *Izbrannye esteticheskie raboty: v 2 t. T. 2* [Selected aesthetic works: in 2 volumes, Vol. 2]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, pp. 240–268. (In Russian)
8. Leont'ev K.N. Plody natsional'nykh dvizhenii na pravoslavnom Vostoke [The products of national movements in the Orthodox East]. *Leont'ev K.N. Vostok, Rossiia i slavianstvo* [Leont'ev K.N. East, Russia and Slavdom]. Moscow, Respublika Publ., 1996, pp. 534–566. (In Russian)

**For citation:** Vorobyova S.A. Dialectics of national and universal values in the social ideals of Slavophiles and Westerners. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict studies. Culture studies. Religious studies*, 2016, issue 3, pp. 16–22. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.302

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2016 г.